

точки зрения: как объяснить возникновение его, откуда его сообщение о Войтехе? Халоупецкий был того мнения, что автор Сказания исходил из польской традиции, что христианство в Польшу ввел именно Войтех, в XIV и XV вв. оно в Польше было, конечно, исключительно латинское. Эта мысль является остроумной догадкой, но лишь догадкой она и остается. Биркенмайер допускает, что произошла контаминация имени Войтеха Чешского [по-латински и по-немецки Адальберта (Adalbertus, Adalbert) — второе имя его, принятое при миропомазании] с его учителем Адальбертом Магдебургским, который пришел около середины X в. в Киев в качестве епископа, но был изгнан оттуда. По Биркенмайеру, источником этих сведений, может быть и опосредованным, служили автору Сказания латинские записи немецких анналистов.¹⁷ И. Ф. Вашица допускает (устно) замену именем Войтеха имен Вихинга, известного противника Мефодия. Можно сослаться на Житие Наума по рукописи Белградской народной библиотеки, где Вихинг называется *Виглиско*,¹⁸ чтобы показать возможность всякого рода искажений личных имен, однако до удовлетворяющей правдоподобности такой гипотезе далеко. Если думать о такого рода замене, то лучше, по-моему, было бы упомянуть другую историческую личность, имя которой более близко имени Адальберт — Войтех и о которой хорошо известно, что она сыграла неблагоприятную роль в истории славянского богослужения в Великоморавском государстве, — это *Адальвин*, архиепископ Зальцбургский, один из тех, которые посадили Мефодия в тюрьму; в листе Иоанна VIII к нему читаем: «...tu, qui fuisti eius auctor deiectionis, sis officii commissi causa receptionis», т. е. «ты, который был виновником его (Мефодия) свержения и т. д.».¹⁹ Есть еще другие эвентуальные возможности контаминаций: Адальберт, родом поляк, был первым епископом поморских славян (в Волине Поморском, 1140—1162 г.),²⁰ когда война язычников с немецкой христианизацией была еще в самом разгаре;²¹ когда, ровно через сто лет после смерти Войтеха, князь Вржетислав II прогнал славянских монахов из Сазавского монастыря (1097 г.) и ввел туда латинских монахов из Бревнова, то аббатом Бревновским был в то время, вероятно, еще какой-то Адальберт (с 1089 г.).²²

Предположение Биркенмайера о том, что автор Сказания знал и латинские хроники (и что на них он ошибочно основал и свои соображения), можно подкрепить установлением Халоупецкого, что часть текста напоминает слова так называемой Моравской легенды латинского жития Кирилла и Мефодия, возникшего, вероятно, в конце XIII или в начале XIV в. в Чехии или в Моравии.²³ Нам кажется, что можно найти даже большее сходство, чем удалось найти Халоупецкому, а именно:

Во дни Михаила царя... послан быст
Константин Философ во Мураву Михаи-
лом царем к муравскому князю просившу

Tempore Michaelis imperatoris fuit quidam
vir ... nomine Constantinus ... dictus ...
philosophus ... Audiens autem princeps Mo-

¹⁷ См.: J. Birkenmajer. Zagadnienie autorstwa «Bogurodzicy». Gniezno, 1935 (Studia Gnesnensia XI), стр. 97—98.

¹⁸ Ср.: П. А. Лавров. Материалы..., стр. 183, строка 24.

¹⁹ См.: F. Pastrnek. Dějiny slov. Apošt..., стр. 102, 105, 249.

²⁰ См.: Český slovník bohovědný, sv. I. Praha, 1912 (статья «Adalbert»).

²¹ Ср.: L. Niederle. Slovanské starožitnosti, III. Původ a počátky Slovanů západních. Praha, 1919, стр. 160—162, а также стр. 149—150.

²² Ср. в Хронике Козьмы Пражского, год 1089 (издание: B. Bretholz. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Berlin, 1923).

²³ См.: V. Chaloupecký. 1) Sv. Vojtěch a slovanská liturgie, стр. 38—39; 2) Slovanská bohoslužba v Cechách, стр. 505—521 (издание легенды).